

Сергей Панарин

**ПРЕДИСЛОВИЕ:
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ
КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Трансграничная миграция может быть трудовой или учебной, временной или постоянной, из страны в страну или из региона в регион, образующей транснациональные сети или не образующей их и т.д. В любом случае в ходе ее мигрирующие люди пересекают одну или несколько границ. Границы эти могут быть государственными, этническими, языковыми, культурными, выявляться по какому-то иному признаку, но любой их вариант будет ощущаться/осознаваться как наделенный смыслом, который больше и богаче представления об обозначенных в пространстве разграничительных линиях между территориями. Ибо, пройдя либо обойдя пограничный и таможенный контроль, человек попадает в мир, если не совсем иной, то уж точно не совсем такой, к которому привык. В сборнике исследуются как раз те отряды мигрантов, для которых переход государственной границы означает одновременно и переход из одного культурного пространства в другое: из одного макрорегиона Востока — в другой, с Востока — на Запад, с Востока — в Россию и даже из России, воспринимаемой как Восток, — в так ее воспринимающий Запад.

Ключевые слова: миграция как человеческое свойство, трансграничная миграция, потенциал отчуждения, макрорегионы Востока, референтный фон самоидентификации.

Нстоящий сборник статей вырос из докладов, прозвучавших на Международном семинаре «Восток на Востоке, Восток на Западе, Восток в России: миграция — адаптация — идентичность» (Суздаль, 18–20 ноября 2014 г.)¹. Он посвящен разновидности миграций, известной под несколькими названиями: внешняя, международная, транснациональная, трансграничная.

Каждое из этих определений фокусирует внимание на какой-то принципиально важной характеристике. Когда говорят «внешние

¹ Обзор этого семинара см.: [Панарин, Бочкарёва, 2015].

миграции» (*outmigration*), акцент делается на расположении их адреса за пределами тем или иным образом очерченного и контролируемого пространства государства или его административного подразделения. Так описываемые людские перемещения объединяются в совокупность, явно или неявно противопоставляемую миграциям внутренним. Определение «международные» фокусирует внимание не на адресе, а на континууме перемещения — от пункта выхода до пункта прихода. При этом, когда оно понимается как эквивалентное английскому *inter-national*, т. е. как указывающее на перемещения между нациями-государствами, оно побуждает соотносить эти перемещения с международными нормами и ответственными за их соблюдение институтами. В этом случае оно придает определяемому им феномену довольно точный политический и юридический смысл. Но в русском языке оно обладает и расплывчатым культурологическим оттенком значения — дает понять, что речь идет о перемещении «из народа в народ»: из одного (этно)культурного ареала в другой, от одних, привычных, образцов мировидения и наборов ценностей — к другим, непривычным. В понятии «транснациональные миграции» смысловой акцент делается на тех соединяющих место выхода и прихода связях, которые мигранты сохраняют и укрепляют в первом месте, завязывают — во втором². Наконец, понятием «трансграничные миграции» наше внимание переключается на то обстоятельство, что мигрирующие люди пересекают одну или несколько границ. Границы эти могут быть государственными, этническими, языковыми, культурными, выявляться по какому-то иному признаку, но в любом случае будут ощущаться/осознаваться как границы между пространственно локализуемыми различиями, значимыми для людей, живущих по обе стороны этих границ.

Трансграничные миграции (далее ТГМ) и составляют предмет сборника. На первый взгляд в нем собраны тексты о мигрантах, преодолевающих государственные границы. Однако в сегодняшнем мире государств, являющихся национальными (или, не будучи на деле национальными, претендующих на то, чтобы таковыми считаться), смысл границы всегда оказывается больше и богаче представления об обозначенных в пространстве разграничительных линиях между соседними странами. Пройдя либо обойдя пограничный

² Подробнее см. статью Сергея Абашина в данном сборнике.

и таможенный контроль, человек попадает в мир, если не совсем иной, то уж точно не совсем такой, к какому он привык. Мир не такой, потому что принятые в нем стандарты отношений и способы их избегания, правила и исключения из них, маркеры пространства и символы его присвоения, типовые образцы мировосприятия и бесконечное разнообразие его оттенков — это и многое другое, пусть даже и не целиком ему чуждое, отлично, как минимум, в каких-то значимых деталях, от аналогов, оставленных им по ту сторону границы.

Как правило, граница между соседними государствами выражена более резко, чем между частями одного государства, сколь бы гетерогенными те ни были. Конечно, и здесь возможны исключения. Так, велика вероятность, что житель Москвы будет чувствовать себя более комфортно в «чужом» по критерию государственной границы Минске, чем в «своем» по тому же критерию Грозном — или даже в калужской деревне, всего-то в двухстах километрах от российской столицы. Но это исключение, как всегда, лишь подтверждает правило. А правило в данном случае заключается в том, что государственная граница обладает, если можно так выразиться, собственной логикой воздействия на пространство, рассекаемое ею, и на пересекающих ее людей: в ней по определению заложен мощный *потенциал отчуждения*. Достаточно будет измениться исторической ситуации — и этот потенциал проявится, и с Минском произойдет метаморфоза, похожая на ту, что произошла с еще недавно почти столь же комфортным для москвича Киевом. Иначе говоря, даже недавно проведенная государственная граница, разделившая к тому же прежде почти однородное пространство, способна из линии на карте превратиться чуть ли не в пропасть между людьми по обе ее стороны. Тем более это справедливо, когда в границе воплощается столь значительная культурная дистанция, что возникает соблазн интерпретировать ее в категориях цивилизационных различий. Или, если определять ее не столь глубокомысленным образом, — как границу скорее между *макрорегионами*, локальными и в то же время крупными культурными мирами, — чем между государствами.

ТГМ текли и текут в различных направлениях. На двух из них и было предложено сосредоточиться авторам, объединившимся вокруг идеи сборника о миграции. Во-первых, на тех ТГМ, в которых высылающим пространством выступает мир Востока в целом,

понимаемый и как пространство географическое — Азия и Северная Африка — и как совокупность макрорегионов, объединяемых в целое лишь постольку, поскольку все вместе они противопоставляются другим большим совокупностям — миру Запада и миру России. Во-вторых, на ТГМ внутри самого Востока — из одного его макрорегиона в другой. Граничные различия между частями Востока были велики и в прошлом, сейчас же, смягчаясь под воздействием модернизации и глобализации по одним параметрам, по другим (например, по темпам и качеству роста, уровню информатизации, стадии становления гражданского общества, степени секуляризации/десекуляризации) становятся, напротив, резче, чем были когда-то. Кроме того, нельзя игнорировать тренд последних лет — выравнивание миграционных потоков, движущихся с Востока на Запад и из одних частей Востока в другие³.

Конечно, конструкции типа «потоки» или «отряды» мигрантов являются в значительной мере умозрительными. В 1930–1980-х гг. границу США с мексиканской стороны пересекали преимущественно люди, в социальном плане действительно образовавшие более или менее однородный и обособленный отряд сезонных сельскохозяйственных рабочих [Карелина, 2002]. Но мигранты, направлявшиеся в то же время в те же США с Востока, представляли собой людей, столь различавшихся по этнической принадлежности, вероисповеданию, достатку, статусу, уровню образования, месту и способу пересечения границы, что и слияние их в один отряд, и распределение по многим отрядам — преимущественно логические операции. И продукты этих операций обычно находят весьма приблизительное и непрочное соответствие в реальности.

Как бы ни разделяли реальных мигрантов их индивидуальные обстоятельства, причины и цели миграции и сколь бы ни были велики различия между конструируемыми в целях анализа миграционными потоками, в одном отношении те и другие едины. А именно: мигранты рассчитывают достичь своих, то различающихся, то совпадающих, целей с помощью одного средства — перемещения в пространстве.

³ Количество мигрантов в Европе и Азии практически сравнялось в 2013 г.: соответственно 72 и 71 млн человек. В Азии число приезжих из других стран с 2000 г. увеличилось на 20 млн человек, и большинство составили трансграничные мигранты, устремлявшиеся в нефтедобывающие страны Ближнего Востока и в новые индустриальные/постиндустриальные государства Восточной Азии [США, Россия, Германия... 2013].

Сила миграции заключается в ее универсальной применимости: для решения своих личных/групповых проблем люди перемещались везде и всегда. Как мигранты заселили они землю от Чукотки до Тасмании и от Гренландии до Огненной земли. Равным образом, и время человечества⁴ — это время миграции. Начиная с эпохи антропогенеза вся человеческая история может быть представлена как совокупность перемещений на малые и большие расстояния, где-то изолированных и дискретных, но чаще взаимосвязанных и последовательных. И даже там и тогда, где и когда потребность в перемещении, казалось бы, веками не возникала, люди отказывались от движения в пространстве все-таки после того, как взвешивали все его возможные плюсы и минусы, т. е. после того как совершали его **мысленно**.

Взятая в неразрывности перемещения подлинного и воображаемого, миграция — едва ли не такое же неотъемлемое свойство человека, как его способность реагировать на холод или видеть сны. Перефразируя слова графа Шефтсбери [Шефтсбери, 1974, с. 81], можно сказать, что мигрант — это человек, каков он в себе, в своем естестве жителя единого — до-национального, до-граничного — мирового пространства. Конечно, это только метафора, ее не следует понимать буквально; но как способ акцентировать древность, первичность, архетипичность состояния миграции, она, пожалуй, уместна. Ибо миграция возвращает и мигрантов, и принимающее их общество к древнейшей дихотомии — к связке-противостоянию «мы — они»⁵.

Степень фенотипической, культурной, языковой близости между трансграничными мигрантами и принимающим обществом, как и целевые установки мигрантов, играют значительную роль в их «притирке», в ходе которой противостояние может быть преодолено либо увековечено. Поэтому так важно исследовать отряды мигрантов, для которых переход государственной границы означает одновременно и переход из одного мира-региона в другой.

В то же время не менее важно помнить и о том, что границы между культурными мирами — подвижные и изменчивые. И что

⁴ Парафраз метафоры *le temps du monde*, использованной Фернаном Броделем в названии третьего тома его главного труда. См.: [Бродель, 1992].

⁵ «Мы» еще в глубокой древности сделалось «универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей», при этом оно «всегда подразумевает противопоставление» другой, не всегда даже определенной, общности, обозначаемой как «они» [Поршнев, 1979, с. 84].

определение того или иного региона в рамках предельного пространственного воплощения дихотомии «мы — они» как члена антиномии «Восток — Запад» очень сильно зависит от множества факторов. Например, от физического расстояния между определяющими и определяемыми. Или от протяженности разделяющей их этнокультурной дистанции «по Барту»⁶. Или от оценки того, кого определяют, подсказываемой тому, кто определяет, памятью об истории взаимоотношений между их народами/странами. Наконец, от такого элементарного факта, как наличие или отсутствие опыта личного общения человека из одного мира с человеком из другого мира. Соответственно, макрорегион, жители которого склонны относить себя, например, к Западу, жителями этого самого Запада, с помощью противопоставления стремящимися высветить собственную идентичность, может квалифицироваться как Восток. Или как Азия, свой косностью подчеркивающая динамизм Европы. Или как Юг, своей неразвитостью оттеняющий развитость Севера. А то и просто как вместилище варваров, противопоставляемое счастливой обители трудолюбия, просвещенности, безопасности и свободы — пространству Цивилизации.

Фоном самоидентификации Запада не раз оказывалась и Россия [Нойманн, 2003] после того, как с накоплением исторических и географических знаний ее пространство перестало быть обиталищем совсем уж мифических аримаспов и псоглавцев. Правда, принадлежность русских к христианам, индоевропейцам и, по старой терминологии, к европеоидам, как и вхождение России в XVIII в. на правах великой державы в европейский концерт способствовали оттеснению ее отождествления с Востоком на задний план; но оно сохранилось в арсенале западной идентичности и периодически всплывает⁷.

Возвращаясь к изучению ТГМ, отметим, что из-за ситуационной изменчивости/многоликости идентификаций Другого вряд ли возможно точно и навсегда зафиксировать антиномию «Восток — Запад» в пространстве. В особенности подобная фиксация была бы излишне строгой как раз тогда, когда в исследовательском поле оказывается Россия — и как реципиент миграции с Востока, и в качестве

⁶ «Чем больше разница между... ценностными ориентирами, тем больше ограничений они накладывают на межэтническое взаимодействие» [Barth, 1969, p. 18].

⁷ Например, когда «возникает соблазн подчеркивать инаковость России ради интеграции европейского “Я”» [Нойманн, 2003, с. 155].

миграционного донора для Запада. Ибо в своем восприятии мигрантов большинство в любом принимающем обществе руководствуется не академическими дефинициями и даже не школьным атласом, а различными стереотипами, нередко далекими от реальности. В соответствии с ними русские либо просто принадлежат Востоку, либо, без уточнения их принадлежности, «традиционно считаются не-европейцами» [Delanty, 1995, p. 11]. И сколько бы мы ни возмущались «высокомерием» такого взгляда обыденного западного сознания, — тут же, кстати, забывая об изъянах нашего собственного восприятия Востока,⁸ — он до сих пор распространен. С нашей точки зрения, он искажает восприятие мигрантов из России и, шире, из бывшего СССР. Но для того чтобы корректно его оспорить, надо о нем помнить, его учитывать и исследовать, соответственно, включать в **единое исследовательское поле**, наряду с миграцией с Востока на Запад и в Россию, миграцию из России на Запад.

Как со сказанным выше соотносится конкретный состав сборника?

Тематически он разбит на три неравных по величине блока. Первый блок посвящен миграциям с Востока на Восток. Причем это направление миграционных перемещений исследуется преимущественно по методу *case study* — на примере относимой обычно к Внутренней или Центральной Азии Монголии как донора и Республики Кореи, интегральной части Восточной или Северо-Восточной Азии как реципиента. Это статьи Галиймы, Батцэрэн, Анны Пинигиной и Марины Балдано с соавторами. Три из этих четырех статей написаны монгольскими авторами или при их участии, а взятые вместе, четыре статьи дают общую характеристику миграций из Монголии и в Южную Корею, заостряют внимание на некоторых их потоках и особенностях, показывают процесс образования в Корее монгольской диаспоры. По пространственной локализации предмета исследования особняком стоит в первом блоке статья Николая Стеблина-Каменского, но она вполне вписывается в данный блок тематически, поскольку посвящена в основном двум проблемам, одна из которых лишь отчасти затронута в «монгольско-корейских» статьях, а вторая вообще больше в сборнике нигде не исследуется. Имеются в виду,

⁸ В момент перехода от советской эпохи к постсоветской оно было не столько приносящим, сколько обезличивающим [Панарин, 1993]. Спустя 25 лет добавились, с одной стороны, ксенофобия, с другой, растущее понимание, что и на Востоке есть для нас образцы для подражания.

во-первых, проблема реадaptации в прежнем социальном окружении вернувшихся мигрантов, во-вторых, отношение этой среды к миграции как таковой.

Во втором блоке рассматривается взаимодействие принимающего российского общества и мигрантов в Россию из Китая, Вьетнама и Центральной Азии. Читатель найдет здесь результаты социологических опросов, показывающих восприятие трансграничных мигрантов учащимися трех российских вузов (в статье Ирины Бочкарёвой и Сергея Панарина), и оценку самими мигрантами их адаптации в России (в статье Дмитрия Полетаева). Есть здесь и исторические по преимуществу статьи о двух периодах китайской миграции (статья Виктора Дятлова) и о вьетнамской диаспоре (статья Андрея Соколова). Также представлены: взгляд на трансграничную миграцию в Россию из Центральной Азии как на миграцию транснациональную (статья Сергея Абашина); сравнительный анализ западного и российского опыта волонтерского содействия взаимной адаптации мигрантов и принимающих локальных сообществ (запись совместного доклада Евгения Варшавера и Анны Рочевой с последующим его обсуждением); исследование работы Русской православной церкви с мигрантами с Востока (статья Сергея Филатова).

Последний блок образуют три статьи, написанные по результатам полевых исследований двумя российскими и одним итальянским автором. В них, в отличие от статей первого и второго блоков, главным предметом рассмотрения оказались мигранты — представители диаспор, формирующихся по миграционным каналам менее насыщенным, чем канал трудовой миграции. В статье Екатерины Деминцевой речь идет о диаспоральном «осадке» от учебной миграции в Европу из Тропической Африки. В статье Моника Перотто акцент делается на сопоставлении адаптации и идентификации двух категорий преимущественно нетрудовых русскоязычных мигрантов в Италии — прибывших с «Запада» постсоветского пространства (из России, Украины, Белоруссии, Молдовы) и с его «Востока» (с Южного Кавказа и из Центральной Азии). Наконец, статья Раисы Акифьевой посвящена изменениям, происходящим в идентичности и культурных ориентациях русскоязычных женщин на двух этапах их брачной миграции в Нидерланды — до переезда из России и после него.

Любой синопсис содержания показывает читателю не только то, что хочет показать — что в книге есть, но и то, что хотелось бы скрыть — чего

в ней нет. ТГМ настолько многогранный феномен, что охватить его во всей полноте в одном томе просто невозможно. Кроме того, научное отображение реальности, если оно хочет остаться именно научным, а не публицистическим или идеологическим, практически всегда отделено от вызвавших его событий временем, необходимым для осмысления произошедшего. Именно поэтому самое громкое миграционное событие последнего времени — миграционный кризис в ЕЭС — осталось за бортом нашего сборника. Однако помимо этой, пока еще извинительной, лакуны, в сборнике явно не хватает статей о миграционных потоках с Востока на Запад, текущих давно и регулярно и о сложившихся на их основе восточных диаспорах на Западе. Они предусматривались концепцией сборника, но, увы, так и не были написаны. Причины? С одной стороны, оказалось, что «мигрантоведы» — специалисты весьма востребованные, обременены обязательствами и не всегда успевают их выполнять. С другой — специалистов по восточной миграции немного. Соответственно, их *over-engagement* зашкаливает, и заполучить их в ряды дисциплинированных авторов крайне трудно. Сыграли свою роль и расхождения между некоторыми авторами и редактором по вопросу, какой текст можно считать полноценной научной статьей и как можно достичь искомой полноценности...

Ссылки на всякого рода препятствия и помехи можно было бы продолжить, но вряд ли стоит это делать. Лучше уведомить читателя, что миграционный проект Института востоковедения РАН данным сборником не завершается. Впереди — международная конференция по миграции, затем издание ее материалов, а в завершение — подготовка монографии, построенной на сравнении исторических и современных миграций. Надеюсь, что все эти замыслы осуществляются — и осуществляются таким образом, что необходимость ссылаться на объективные обстоятельства отпадет.

Список литературы

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992.
- Карелина Н. Нелегальная миграция мексиканцев в США: до и после НАФТА // Государство и антропоток: Интернет-альманах. 2002. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a041.htm> (дата обращения: 01.04.2016).

- Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова, предисл. А. И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004.
- Панарин С. А., Бочкарёва И. Б.* Восток на Востоке, Восток на Западе и Восток в России: миграция — адаптация — идентичность // Восток. 2015. № 3. С. 160–166.
- Панарин С.* Восток глазами русских // Родина. 1993. № 4. С. 13–18.
- США, Россия, Германия и Саудовская Аравия — в числе десятки стран, принимающих наибольшее число мигрантов // Центр новостей ООН. 2013. 11.09. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20179#.UmQEdXCLiGM> (дата обращения: 11.10.2013).
- Шефтсбери.* Эстетические опыты / Сост., перевод, коммент. Ал. В. Михайлова; под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. М.: Искусство, 1974 (История эстетики в памятниках).
- Barth F.* Introduction // F. Barth (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries*. Boston: Little, Brown and Co., 1969. P. 9–38.
- Delanty G.* *Inventing Europe. Idea, Identity, Reality*. Basingstoke and London: Macmillan, 1995.

РАЗДЕЛ I
**ВОСТОК НА ВОСТОКЕ:
МОНГОЛО-КОРЕЙСКИЙ CASE
С ЭФИОПСКИМ ДОПОЛНЕНИЕМ**

МИГРАЦИЯ МОНГОЛОВ ЗА РУБЕЖ: ПОЧЕМУ ОНИ УЕЗЖАЮТ И ПОЧЕМУ ВОЗВРАЩАЮТСЯ¹

В статье представлены результаты социологического исследования внешней миграции монголов, которым по методу снежного кома были охвачены бывшие и нынешние мигранты. Задавались вопросы, касающиеся их пола, возраста, страны проживания за рубежом, уровня образования, целей приезда, легальности трудовой деятельности. Среди респондентов были высококвалифицированные специалисты, техники, научные работники, даже цирковые артисты. Опрос отразил усложнение структурных характеристик, отличающих современные потоки трудовой трансграничной миграции монголов, показал особенности использования их труда по месту выезда. Однако главное внимание в исследовании и в написанной по его результатам статье было уделено выявлению и анализу конкретных комбинаций выталкивающих и притягивающих (push — pull) факторов, учитываемых мигрантами при принятии решений о выезде на заработки за границу и о возвращении на родину.

Ключевые слова: потоки и противотоки внешней миграции, выталкивающие и притягивающие факторы, причины выезда и возвращения.

Прошло более полувека со времени опубликования Эвереттом Ли статьи [Lee, 1966], в которой впервые было отмечено большое значение при принятии людьми миграционных решений так называемых выталкивающих и притягивающих факторов (push — pull factors), однако в литературе по миграции им по-прежнему уделяется значительное внимание². В миграционной теории они заняли такое же почетное место, что и законы Эрнста-Георга Равенштейна³.

¹ Статья написана автором на русском языке, литературная редакция Сергея Парина.

² См., напр.: [Push and pull... 2000].

³ Э.Г. Равенштейн — английский статистик и демограф немецкого происхождения, в 1880-х гг. опровергнувший прежнее представление о миграции как об абсолютно

В самом общем виде выталкивающие факторы определяются как «сила, побуждающая людей уехать из одного места», притягивающие — как «то, что влечет их к новому месту» [Push — Pull... 2015]. Или: выталкивающие факторы — это те, что «побуждают людей оставить место рождения и поселиться где-то еще», притягивающие — те, что «привлекают мигрантов в новые места» [Higgins, 2015]. Само же решение о переезде, независимо от того, совершится ли он внутри одной страны или из одной страны в другую, «в конечном счете — результат взаимодействия между выталкивающими и притягивающими факторами» [Schott, 2015].

Я намеренно взяла приведенные выше цитаты с первой страницы результатов по набранному в поисковой строке Яндекса запросу «push pull factors». Целью было показать: это понятие, хотя ему всё еще дается специальное объяснение в словарях [Push — Pull...] и популярных статьях [Higgins, 2015], широко распространено и прочно связано с представлением о миграции. Уже почти само собой разумеется, что в любом тексте о ней эти факторы должны занимать центральное положение либо обязательно быть выделены.

В действительности факт миграции не есть результат только индивидуального решения, принимаемого после сопоставления выталкивающих и притягивающих факторов. На процесс миграции ощутимо влияют государство и различные институты. «Индивиды не могут свободно манипулировать иммиграционной политикой, правилами въезда в ту или иную страну — а именно этим в значительной мере определяется решение о миграции» [В движении... 1999, с. 85]. Тем не менее, роль выталкивающих и притягивающих факторов, даже если не считать ее решающей, остается чрезвычайно важной. В первую очередь она важна в тех ситуациях, когда миграционный режим⁴ в стране выезда способствует миграции, а в странах приезда, как минимум, не блокирует трансграничные передвижения.

Современная Монголия — страна с либеральным миграционным режимом. Такой она стала благодаря переменам, произошедшим

хаотическом движении и впервые сформулировавший ряд ее законов, ставших со временем общепризнанными. Подробнее см.: [Абылкаликов, Винник, 2012].

⁴ Миграционный режим образуют законодательно устанавливаемые правила выезда, допуска и пребывания мигрантов в местах въезда, а также процедуры контроля над выполнением этих правил, осуществляемые организациями, наделенными такими полномочиями. Подробнее см. [В движении... 1999, с. 14–29].

в ней после Демократической революции 1990 г. В последние 20–25 лет Монголия активно участвует в международном миграционном процессе одновременно как донор и реципиент, и участие в качестве донора обеспечивается в первую очередь индивидуальными решениями ее граждан. Поэтому ответ на вопрос, какие факторы оказываются для граждан Монголии выталкивающими, какие — притягивающими, был и остается актуальным при исследовании их трансграничной миграции. Однако цель небольшого социологического исследования, по материалам которого написана настоящая статья, была иной. Соответственно, и комбинация факторов в ней отличается от общепринятой. Как видно из приведенных выше определений, под выталкивающими понимаются факторы, локализуемые мигрантом там, откуда он уезжает, а под притягивающими, — там, куда направляется. В моей же статье выявляются *причины выезда* и *причины возвращения*, что предполагает соединение выталкивающих и притягивающих факторов в одну совокупность и при движении «туда», и при движении «обратно». Такой подход позволяет вывести выталкивающие факторы в стране прибытия и притягивающие в стране выбытия из тени, в которой они часто остаются, несмотря на то что им принадлежит не менее важная роль в формировании *противотоков* миграции, чем факторам выталкивания страны происхождения и факторам притяжения страны назначения — при формировании ее *потоков*.

Прежде чем перейти к изложению полученных результатов, для лучшего понимания феномена международной миграции граждан Монголии я приведу некоторые данные, показывающие ее количественные параметры.

Масштабы и направления внешней миграции монголов

В миграционных процессах участвует значительная часть населения страны, мигранты во многом формируют облик современной и заграничной Монголии. Большие масштабы приобрела образовательная и трудовая миграция в соседние и отдаленные страны. Уже сейчас общины выходцев из Монголии сложились в Южной Корее, США, ряде стран Европы, в России. По данным Комитета национальной статистики, в 2010 г. при всем населении Монголии в 2 млн 755 тыс. человек насчитывалось 107 410 ее граждан, свыше шести месяцев находившихся на легальных основаниях более чем в 20 странах [Ochirsukh, 2015].

Более крупную цифру дают исследователи из Монгольского национального университета: по их оценке, в 2013 г. легально работали и учились за границей около 150 тыс. монголов [Солонго, 2014]. Больше всего их было в Южной Корее — около 40 тыс. человек, далее следуют США — 28 тыс., Россия — около 6 тыс., Чехия — 5873 человека, Китай — 5500, Япония — 5600 человек [Гадаад дахь... 2011].

Прошедшие регистрацию трудовые мигранты образуют лишь часть миграционного потока. Многие монголы в Корее, Японии и США работают без официального разрешения. В одной только Южной Корее насчитывается 7785 нелегальных монгольских мигрантов, в США их свыше 9 тыс. Но по другим странам такого рода данные отсутствуют, поэтому невозможно назвать точное число монголов, выезжающих на работу за границу. Не слишком помогают и социологические опросы: мигранты, живущие нелегально, не хотят лишних проблем, поэтому не идут навстречу тем, кто эти опросы проводит. Оценочно общее число участвующих во внешней миграции монголов с учетом нелегалов составляет не менее 200 тыс. человек, или 7,25% от общей численности населения страны⁵.

Как правило, монголы-студенты, официально не числящиеся трудовыми мигрантами, подрабатывают в качестве чернорабочих в промышленности и в сельском хозяйстве принимающих стран. Поэтому не будет преувеличением сказать, что в массе своей монгольские мигранты за рубежом вовлечены в трудовую миграцию — в категорию территориальных перемещений людей, которые при переселении стремятся найти на новом месте работу с заработной платой, позволяющей решить экономические проблемы там, где они жили прежде, либо возникающие по месту нового жительства.

Труд пребывающих за рубежом монголов положительно влияет на благосостояние их оставшихся дома родных и близких. С 2000 г. объем денежных средств, перечисляемых трудовыми мигрантами через банковские системы, растет постоянно. Уже в 2004 г. сумма зарегистрированных переводов монгольских трудовых мигрантов составила 10% ВВП страны [БНЧУ-д... 2014]. В 2013 г. одни только монголы, находящиеся в США легально и нелегально, отправили домой 129,6 млн долларов [Гадаадад буй... 2012].

⁵ Подсчитано по [Гадаадад 120... 2013; Ochirsukh, 2015].

Характеристика респондентов

Было опрошено 135 трудовых трансграничных мигрантов, включая нелегальных, подавляющее большинство из них — посредством анкетирования. Использовался метод снежного кома: первые анкеты я отправила по электронной почте своим знакомым, находившимся на работе за рубежом, а затем каждый из них порекомендовал еще одного или нескольких человек, которым можно было переслать анкету, будучи уверенным, что те ее заполнят. Всего вернулось 127 заполненных анкет, полученные ответы были обработаны на программе SSPM-17. Я также взяла восемь развернутых интервью у вернувшихся мигрантов и одно — у девушки-мигрантки, приехавшей в отпуск.

Все опрошенные являются этническими монголами. Из них 113 человек (83,7%) находились или находятся в принимающих странах в соответствии с законом, 22 человека (16,3%) — в обход его.

Возрастная структура монгольских мигрантов, охваченных исследованием, выглядит следующим образом (рис. 1): от 18 до 24 лет — 47,4%, от 25 до 35 — 25,9%, от 36 до 44 — 14,1%, от 45 до 60 лет — 5,2%, 61 год и более — 7,4%. Как видим, самым активным сегментом

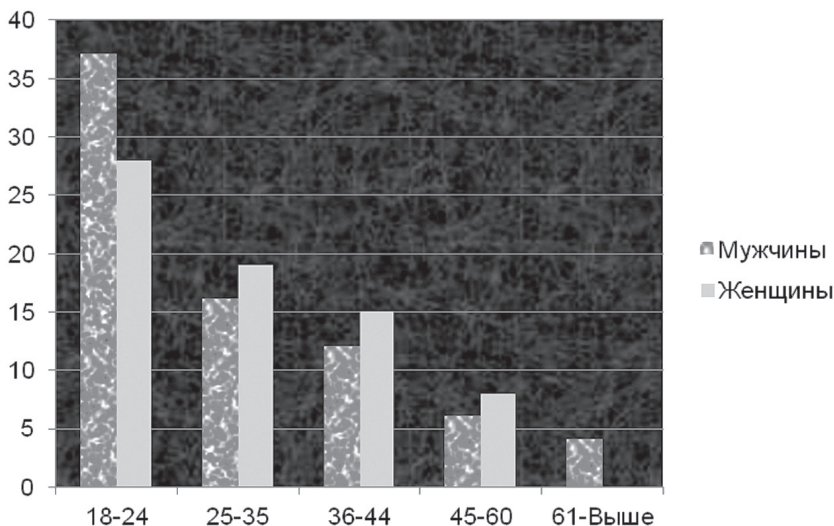

Рис. 1. Распределение респондентов по полу и возрасту (%)

внешней миграции из Монголии выступают молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет: на их долю приходится почти $\frac{3}{4}$ всех мигрантов в выборке — 73,3%.

Также обращает на себя внимание тот факт, что во всех возрастных категориях, кроме первой и последней, среди мигрантов преобладали женщины. Сегодня многие женщины едут за границу с мужьями, чтобы трудиться наравне с ними, потому что надо заработать много и быстро, например на дом и машину на родине. Всё чаще приезжают на заработки женщины, у которых семья осталась в Монголии или которые развелись с мужьями, и совсем молодые девушки. А одна из моих собеседниц, Э., 50 лет, рассказала, что впервые она приехала в Корею 13 лет тому назад после того, как уехавший на заработки муж прислал ей за год всего 300 долларов. Она выяснила, что он стал много выпивать, поэтому-то деньги и не приходили, и решила, что должна быть рядом с мужем, чтобы следить за его расходами.

Семью имели 59 человек, т.е. почти половина респондентов (43,7%).

Уровень образования мигрантов выглядит следующим образом. Высшее образование имели 75 человек (55,5%), среднее профессиональное — 15 (11,1%), полное среднее — 44 человека (32,5%), базовое среднее — 1 (0,74%), с начальным образованием не было ни одного человека. Видно, что уровень образования выезжающих за границу заметно превосходит уровень образования всего населения Монголии, в составе которого высшее образование имели в 2010 г. 19,8%, среднее профессиональное — 9,2%, полное среднее — 34,6%, базовое среднее — 19,3% и начальное — 17,0% [Ochirsukh, 2015].

Из общего числа опрошенных 93 выезжавших работать за границу были из Улан-Батора, в общей сложности 15 человек было из Эрдэнэта и Дархана⁶ и еще 17 — из других аймачных (областных) центров, семь — из поселков, и всего три — непосредственно из сельской местности. Эти цифры подтверждают широко распространенное в Монголии мнение, что жители Улан-Батора, мигрируя, отправляются преимущественно за границу, выходцы из аймачных центров — в столицу, а выходцы из сомонных (районных) центров — в аймачные.

⁶ Эрдэнэт, с 86,9 тыс. жителей (данные середины 2013 г.) и Дархан с 74,3 тыс. (тогда же) являются, соответственно, вторым и третьим по численности населения городами Монголии. См. [Population... 2015].

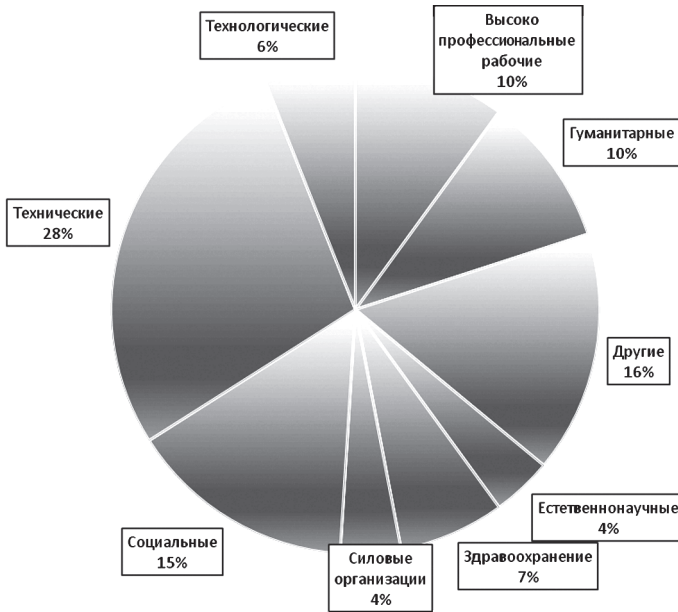

Рис. 2. Распределение респондентов по группам специальностей (%)

Хорошо видно (рис. 2), что активнее других социально-профессиональных групп населения мигрировали молодые интеллигенты и профессионально подготовленные рабочие с высоким уровнем квалификации. Но смогли ли они работать за рубежом по специальности, в соответствии со своей квалификацией? Как свидетельствуют полученные данные, многие респонденты вынуждены были специальность сменить. Исследование довольно наглядно показало, какие профессии мигрантов востребованы в странах-реципиентах. Если оставить в стороне специфический случай двух цирковых артисток, работающих по контракту в цирке в ЮАР, группы профессий, пользующихся спросом, в основном сосредоточены в сфере строительства, в сфере предоставления коммунальных (муниципальных) и бытовых услуг, в сферах розничной торговли и общественного питания, швейного и текстильного производства. Среди наиболее востребованных оказались и технические профессии – сварщики, специалисты по ремонту автомобилей, рабочие-металлисты, машинисты. Любопытно, что такая структура спроса на труд за рубежом близка структуре внутреннего спроса.

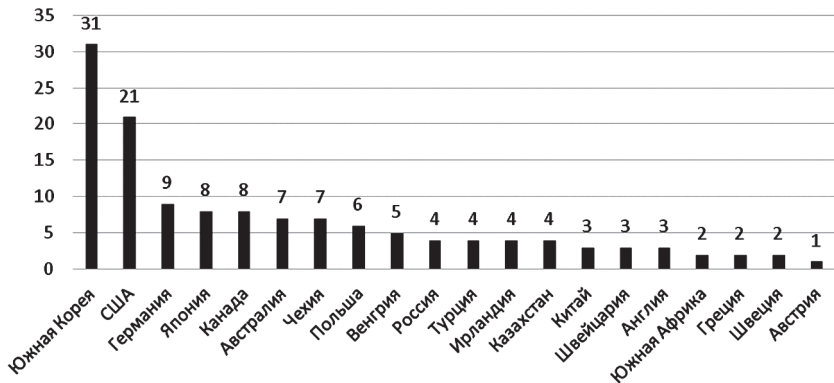

Рис. 3. Распределение респондентов по странам пребывания (%)

Опрошенные мигранты отправлялись искать счастья в индустриально развитые или быстро приближающиеся к этому уровню страны (рис. 3). С учебной целью мигрировали 28,9% респондентов, среди отправившихся в Китай и Россию выезжавшие для получения образования вообще составили большинство. Основная часть мигрантов в США выехала в 1990–2000-х гг., затем США ужесточили свое миграционное законодательство, и теперь легально попасть туда сложно. Приехать в Европу легче, хотя европейские страны также ужесточают миграционное законодательство. Но всё же многим гражданам Монголии удается попасть в Европу, остаться там, получить разрешение на учебу и/или работу и осуществлять свою трудовую деятельность.

Выезд и возвращение: соотношение притягивающих и выталкивающих факторов

Еще Ли отмечал, что не столько реальные факторы притяжения и выталкивания определяют решение о миграции, сколько их **восприятие** человеком, это решение принимающим [Lee, 1966, p. 51]. На мой взгляд, то же самое справедливо и в отношении факторов, влияющих на решение о возвращении мигранта в страну выезда. И такая субъективность восприятия ярко проявилась как в наборе факторов, по мнению самих респондентов обусловивших выезд/возвращение, так и в соотношении внутри этого набора притягивающих

и выталкивающих факторов и в относительной силе каждого из них (рис. 4–5).

В анкете заранее были предложены возможные ответы на вопросы о причинах выезда и возвращения, респондентам оставалось только выбрать от одной до трех причин, и большинство предпочло ограничиться одним ответом. Безусловно, такой способ получения ответов отчасти их обеднял, но решено было все-таки к нему прибегнуть, поскольку предложенные формулировки причин были составлены на основании предыдущих исследований такого рода, где респонденты давали свободные ответы на открытые вопросы.

Бросается в глаза различие между структурами ответов о факторах выезда и возвращения. Проявляется оно двойко. Во-первых, в том, что в структуре ответов о факторах возвращения все ответы однозначные, а в структуре ответов о факторах выезда есть такие, которые могут быть интерпретированы как факторы, явно притягивающие, а неявно — указывающие на выталкивание. Таковы, например, ответы «жить в высокоразвитых, безопасных странах», «дать хорошее образование детям» и «работать на престижную международную организацию». Они подразумевают, что в Монголии жизнь небезопасна, образование — не слишком качественное, а представленные в Монголии международные организации либо не пользуются престижем, либо их возможности найма монголов незначительны. Во-вторых, когда речь шла о выезде, в восприятии опрошенных присутствовал единственный однозначно выталкивающий фактор — низкий уровень жизни

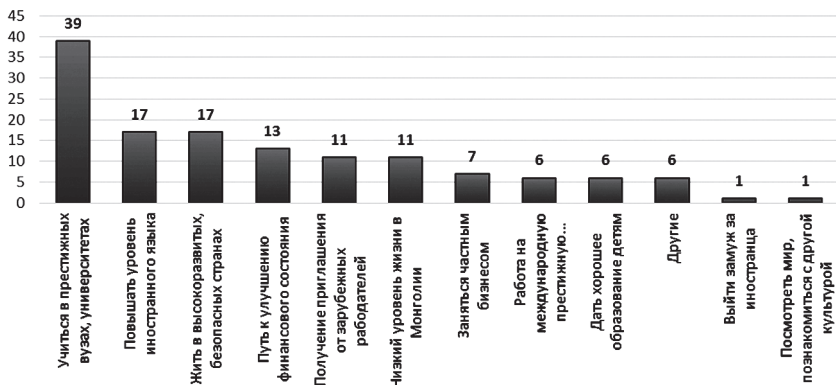

Рис. 4. Причины выезда: распределение ответов ($n = 135$)